

Кузьма Роман

*Закливание
Тьмы*

Кузьма Роман
Закливание Тьмы

«Издательские решения»

Роман К.

Закливание Тьмы / К. Роман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831244-1

Молодой чернокнижник отчаянно пытается подчинить себе силы, от одного упоминания которых мурашки бегут по коже. Что толкнуло его на это? Суждено ли ему достичь успеха?

ISBN 978-5-44-831244-1

© Роман К.
© Издательские решения

Содержание

Только в Будапеште...	6
Воскрешение Британии	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Закливание Тьмы

Кузьма Роман

© Кузьма Роман, 2016

ISBN 978-5-4483-1244-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Только в Будапеште...

1

Андраш Каллош никогда не выходил из дому после наступления темноты. В отличие от большинства добропорядочных жителей Будапешта, которые также избегают ночных прогулок, он, однако, никогда не отличался ни благонравием, ни уважением к закону. Тем не менее, его многочисленные знакомые и немногие друзья единодушно отмечали за ним укоренившуюся ещё в далёкой юности привычку возвращаться домой засветло. Как они ни пытались – однажды даже было заключено пари на ящик бутылочного пива, – им не удалось ни разу выманить Андраша на улицу после наступления темноты. Андраш весьма резко, даже грубо, пресекал все попытки развязать ему язык, и насчёт этой его привычки ходили самые невероятные слухи. Достоверно известно было одно: бояться темноты он стал в тот самый вечер, когда начал заикаться; старожилы Кишпешта[1] неохотно говорили на эту тему с молодёжью, но угрюмое молчание, наступавшее каждый раз, когда в их присутствии затрагивали данную тему, подтверждало самую суть догадок: в тот далёкий день произошло нечто ужасное, кардинально переменившее отношение Андраша к миру.

Андраш, давший себе клятву никогда и ни за что не говорить ни с кем о событиях того далёкого вечера, тем не менее, каждый вечер, глядя во двор из окна четвёртого этажа панельной многоэтажки, предавался воспоминаниям, будившим в его душе животный страх, и глушил их при помощи крепкого спиртного. Жена, устав жаловаться на тяжёлый нрав и привычку супруга к алкоголю, ушла от него с ребёнком три года назад, и Андраш, который вёл очень замкнутый образ жизни, не общался практически ни с кем, кроме нескольких соседей, с которыми иногда играл в футбол в школьном дворе, и матери, почти постоянно пьяной. Друзья Андраша, такие же пьянчуги, кое-что знали о его таинственной привычке, но, несмотря на то, что любили посплетничать о ней в присутствии молодёжи, никогда не давали на возникавший в таких случаях естественный вопрос прямого ответа. Тайна, лежащая за этим тяжёлым молчанием, была одной из тех маленьких загадок, обсуждение которых скрашивает унылую жизнь района, сформированного серыми, безликими домами и населённого невзрачными, зачастую неблагополучными людьми. Пожалуй, наиболее странным в этой истории было то, что она была каким-то образом связана с легендарным Жолтаном «Глоком» Эркелем.

Фразы типа: «При Эркеле-то Андраш совсем другой был – только и делал, что говорил. Всех затыкал...» звучали неоднократно. Или вот, например: «Золотой Пистолет всё ещё накроет и ваши деньги, и ваше железо»[2]. Эркель, само имя которого внушало благоговейный трепет, до сих пор был непререкаемым авторитетом для жителей Кишпешта. Он стал «капитаном» в далёкие девяностые, когда Венгрия, казалось, смогла вздохнуть свободно, избавившись от советской оккупации. После эйфории первых дней, однако, пришло понимание: немецкая оккупация, опиравшаяся тогда на дойчмарки («евро» ещё не существовало), ничуть не лучше. Основная масса населения моментально обнищала, и ничего не могла заработать на остановившихся предприятиях, где платили зарплату в обесценившемся форинте. Всё необходимое для жизни можно было купить только за марки или за доллары, заработать которые можно было только самыми грязными способами – ведь продукция венгерской промышленности, столь ценившаяся русскими оккупантами, на Западе оказалась неконкурентоспособной. Единственное, что спасало жителей Будапешта – это то, что на востоке дела обстояли ещё хуже. Оттуда десятками тысяч тянулись полуголодные нелегалы – чернорабочие, строители, официантки и «танцовщицы», как называли украинских и русских проституток. Все они приезжали с собственными «бригадирами», управлявшими ими, как стадом скота. Те вели себя дерзко, повсюду стремились щеголять связями с уже не существовавшим, но всё ещё всесильным КГБ, который оплёл постсоветский мир липкой паутиной, как удавкой. В таких парнях, как Жолтан,

смело порвавших со старым миром и решительно бросивших вызов очередной волне захватчиков, повсюду открывавших свои ночные клубы и диско-бары, венгерское общество видело будущее нации. Сам Жолтан был живым воплощением мужской силы: высокого роста, могучего телосложения, он, казалось, мог смести любого, кто встанет у него на пути. Его низкий, широкий лоб, под которым прятались небольшие злобные глазки, удачно гармонировал с мощной, прямоугольной челюстью, свидетельствующей, как утверждали те, кто изучал расовые теории, о незаурядной силе воли. Жолтан, собрав вокруг себя таких же, как он, спортсменов – борцов, штангистов и боксёров, быстро организовал перегон краденых «мерседесов» из Германии, которые продавал «товарищам» из Украины, наладив, как он выражался, «взаимовыгодные международные торгово-экономические связи». В обмен они предоставили ему соответствующее количество девиц, готовых работать ночи напролёт без выходных, лишь бы только не видеть больше своей родины, знаменитой на весь свет благодаря аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Жолтан, «державший» группу таксистов, в конце концов избавился от одного из западноукраинских бригадиров, чем навсегда покорила сердца жителей Кишпешта. Тело Петра Кривинского, носившего при жизни прозвище «Дымок», бесследно поглотили тёмные воды Дуная. Жолтан всегда носил при себе «Глок-17», чей коробчатый корпус был украшен накладными пластинами из чистого золота. В ходу даже появилось выражение, ставшее разновидностью дурной приметы – «Увидеть золото». Понимая, что к чему, многие прохожие в Кишпеште торопились сами снять золотые украшения, когда в ночное время дорогу им преграждали тёмные тени подопечных Эркеля.

Андраш Каллош в те далёкие дни был всего лишь пацаном, одним из многих, кто постоянно отирался возле Жолтана и его парней, прогуливая школу ради занятий в «качалке» и различных мелких поручений, исполнение которых им порой доверяли. В обязанности «молодых» входила также слежка за различными «мразями», как называл Жолтан жертв будущих преступлений. В число подобных «мразей» попал в своё время и новый квартирант тёти Клары – студент из Татабаньи. Тот называл себя Вильмошем и каждое утро исправно садился в метро на станции «Кёбанья-Кишпешт», чтобы доехать на учёбу. Андраш, однажды безуспешно попытавшись «стрельнуть» у студента сигарету, не мог не отметить его типичный для жителя столицы выговор.

– Мразь какой-то странный, – сказал он своим друзьям, отойдя в сторону. – Для студента он староват и говорит не как деревня.

– Да это просто студент, – нетерпеливо бросил двенадцатилетний Кароли, который был младше Андраша на полгода – тому уже исполнилось тринадцать. Андраш немедленно толкнул его в плечо, притом так сильно, что тот едва не упал.

– Дурак! Если тебе говорят, что это – мразь, значит, это – мразь! Теперь будем выяснять, кто это.

Они дружно умолкли – Вильмош прошёл совсем рядом, следуя к метро.

– Пед-даль, – бросил ему в спину Андраш. На случай, если начнётся перепалка, всегда можно было сказать, что слово не обидное, и ни к кому конкретно не относилось – а вот Вильмош уже повёл себя неадекватно. Однако студент промолчал, что свидетельствовало о том, что он – никто, просто ничтожество.

– Да он просто сопляк, – произнёс русоволосый Миклош фразу, слышанную им от кого-то из взрослых. – Какая от него польза? У него, поди, и денег-то нет.

– Может, там не деньги нужны, – загадочно произнёс Андраш.

– Типа, мальчика из него сделать? – расхохотался Миклош.

– Типа того. Через месяц, может, я ему буду давать в рот красную сигарету, понимаешь?

– Ох, ты какой! – Миклош, пользуясь своим преимуществом в размерах, толкнул Андраша – но легонько. Тому благоволил «Золотой Пистолет», и сверстники об этом знали. Андраш ответил ему более сильным толчком, чувствуя удовольствие от того, что он круче.

Они ещё немного потолкались, вскоре перейдя на более слабого физически Кароли, которому досталось от обоих.

Когда они, красные и запыхавшиеся, прекратили игру, Миклош вдруг спросил:

– Слушай, а может это жирному Портишу интересно?

Портиш был главой полиции Кишпешта. Намекнуть на то, что Жолтан Эркель доносит в полицию – значило нанести ему оскорбление.

– Сам – стукач! – Андраш ударил Миклоша в лицо. Тот пошатнулся, из губы у него потекла кровь. Завязалась драка, в результате которой Миклош одержал верх; прижав Андраша к земле, он медленно сдавливал ему шею.

– Кто стукач?

– Ты! Тебе крышка!

Миклош надавил сильнее.

– Я убью тебя! – Андраш почувствовал, что теряет последние силы. Ему казалось, что его глаза вот-вот вывалятся из орбит.

В конце концов, Миклош позволил ему встать и предложил мир. Но было поздно – отбросив протянутую руку и толкнув ни в чём не повинного Кароли, Андраш, отряхивая пыль, пошёл в «качалку». Он собирался о всём рассказать Эркелю лично. Тот будет вне себя от ярости, когда узнает, что себе позволил какой-то там Миклош!

Он нашёл Эркеля только на следующий день. Узнав о драке, тот рассмеялся.

– Да это такое... Я вас просто проверяю, пацаны. Смотрю, кто на что способен.

Андраш был готов расплакаться:

– Так ты его не накажешь?

– За что? Ты ударил его первым.

– Но он назвал тебя стукачом!

Эркель скривился и отвернулся:

– Он просто побил тебя, и ты жалуешься, совсем как ребёнок.

– А даже если и жалуюсь – я бился за тебя!

– Это правда. – Эркель благодушно улыбнулся. – Посмотрим, что можно сделать...

Тем же вечером один из «бойцов» Эркеля подошёл к их компании вечером, когда они толпились у подъезда, и, не говоря ни слова, неожиданно врезал Миклошу в лицо. От страшного удара тот, как потом выяснилось, потерял два зуба.

– Настучишь в полицию – вообще убьём, – бросил «боец» небрежно и ушёл.

В тот момент Андраш был на вершине триумфа. Едва скрывая улыбку, он первым помог встать поверженному врагу:

– Жолтан всё слышит, брат. Может, это Кароли ему настучал?

Говоря так, он посмотрел Миклошу в глаза. Тот отвернулся и, сплёвывая кровь, принял предложенную ему руку.

2

Авторитет Андраша среди сверстников после той истории существенно возрос. Его всё время уважительно хлопали по плечу и говорили о том, какой он крепкий пацан. Эркель даже позволил ему однажды подержать свой золотой «глок»; одновременно его обязанности стали более ответственными – Андрашу доверяли уже командовать отрядом, состоящим из его малолетних соседей по двору. Одной из таких задач было осуществление постоянного психологического давления на Вильмоша, учившегося, как оказалось, на факультете гуманитарных наук Будапештского университета имени Лоранда Этвёша. Вильмош серьёзно изучал историю, явно намерившись стать археологом. Каждый раз, когда он выходил, нужно было провоцировать его, а если бы тот отреагировал – немедленно звать старших пацанов. Те, как пообещал Эркель, поступили бы с педофилом со всей возможной справедливостью.

Вильмош, как обычно, шёл к метро, а Андраш уже пристроился рядом, чуть вырвавшись вперёд, и прошептал таинственно:

– Это правда, что ты – гомик?.. Я дал бы тебе...

Последнюю фразу он произнёс с одновременным вдохом – так девки Жолтана имитировали оргазм. Одна из них, длинноногая Эржбет, жила как раз рядом. Ей предстояло появиться в поле зрения студента, как только тот почувствует, что уже не может нормально жить, когда он начнёт задыхаться от страха, что его самого изнасилуют. Андраш ухмыльнулся: это ещё не всё, что ожидает студента – с его приставаний к Эржбет всё только начнётся. Ему самому Жолтан намекнул, то есть фактически пообещал, что Эржбет станет первой девушкой, которая пустит его в свою постель.

Вильмош фыркнул что-то в ответ на его шёпот и пошёл дальше.

В последующие дни дело, казалось, стронулось с места – студент явно заметил Эржбет и начал оказывать ей знаки внимания. Та, как и положено, принимала их с двусмысленными ответами, стремясь поддерживать в поклоннике огонь и одновременно удерживая его на расстоянии.

Эркель ждал Андраша в их собственной «качалке», оборудованной в подвале. Слушая доклад, он рассеянно кивал, сделав паузу между подходами к штанге. Пот мелкими капельками стекал по его бычьей шее, огромные бицепсы перекачивались под намокшей футболкой, когда он размахивал руками, стремясь расслабиться. Андраш, как обычно, не заметил запаха застарелого пота, которым было буквально пропитано неотопливаемое помещение, ставшее ему родным – в конце концов, это был запах и его пота тоже. И пота Жолтана...

Усилием воли он заставил себя почувствовать злость, чтобы преодолеть гомосексуальное влечение – и даже несколько раз ударил, как учил его Жолтан делать в таких случаях, по висевшему рядом боксёрскому мешку. Получилось не очень – видимо, он не мог заставить себя чувствовать себя злость по отношению к Жолтану.

Жолтан заложил между шеей и грифом поролон и зашёл под штангу. Кряхтя, присел шесть раз, а потом медленно, позволив Андрашу помочь ему, положил снаряд, звякнувший при этом замками, на место.

– Буду как Арнольд! – проревел он и повернулся к Андрашу, сменив тон. – Ладно, что там с этой мразью, с Вильмошем?

– Крутит хвостом, – ответил Андраш.

Жолтан широко улыбнулся.

– Будет ему под хвост... Разве что очень сильно любит девушку! А? – они рассмеялись.

– Тётя Клара его по чуть-чуть пилит, он уже созрел, – продолжил Жолтан. – Всего ты не увидишь и всей истории этого... студента не узнаешь. Но самое интересное я тебе покажу – Он проехал тяжелой пятернёй по макушке Андраша. Тот осклабился.

– Кишпешт – наш!

3

Тот, кого называли Вильмошем Ковачем, ждал наступления темноты. С каждой минутой, по мере угасания солнца, он чувствовал изменения, проходящие у него где-то в животе, в сердце, в костных и мышечных тканях – а может быть, в душе? Он знал, что время его пребывания в Будапеште истекает, и имел тому явный знак, посланный силами столь могущественными и древними, что противиться им было просто бессмысленно. Особенно ему.

Утром того холодного ноябрьского дня перепуганная хозяйка сообщила ему, что видела кроваво-красную змею, скрывающуюся в его комнате. Он сделал удивлённое лицо и для виду поискал змею в её присутствии, зная, что ничего не найдёт. Вестник тьмы является только раз.

Тётя Клара смотрела на своего квартиранта всё подозрительнее, и он понимал, что ещё несколько дней —и она попросит его убраться из квартиры. Наверняка, она сообщила в полицию его паспортные данные, и там уже сказали ей, что студент с таким именем в Будапешт-

ском университете не числится. Более придирчивая проверка документов выявила бы и то, что фотография в паспорте вклеена взамен настоящей. Впрочем, он не собирался дожидаться, пока его разоблачат, тем более, что ему только что было послано знамение.

Он ещё раз посмотрел на тускнеющее солнце, чьи лучи уже едва пробивались из-за многоквартирных домов, и почувствовал прилив сил. Нет, не совсем сил – с другой стороны, он чувствовал себя слабым и сонливым, будто заболел, – но что-то в нём, сидящее где-то глубоко внутри, становилось всё сильнее. И оно управляло телом, будто против его воли, с поразительной лёгкостью, придавая движениям силу и точность, о которых он и не подозревал.

Квартирант посмотрел на часы. До встречи с Эржбет, наконец-то согласившейся прогуляться с ним вечером, оставалось менее получаса. Эржбет... при мысли о ней его мозг возбуждённо заработал, словно стряхнув дремоту. Она была так похожа на ту, которой уже нет... Он встал и начал нервно прохаживаться по комнате, размышляя о чём-то. То, что ему предстояло совершить, вселяло в его сердце ужас. И всё-таки, глядя Эржбет в глаза и представляя на её месте ту, другую, он не мог отвернуть с выбранного пути.

В конечном счёте, подумал он с горьким цинизмом, наибольшее зло ему предстоит совершить по отношению к самому себе.

Тот, кто называл себя студентом Вильмошем, ещё раз осмотрелся по сторонам и, одев шапку, вышел, зная, что никогда не вернётся за оставшимися вещами.

4

Эржбет, сидя у зеркала, аккуратно красила ресницы. Предстоящие в ближайшее время события не слишком её волновали – всё должно было пройти, как неоднократно проходило ранее. Она заведёт Вильмоша в Старый Кишпешт, на площадь Карая Коша, где старые трёхэтажные дома выстроены из настоящего кирпича, позволит ему взять себя за руку и провести в бар, где на смене у стойки сегодня работает добрый знакомый Жолтана, и дожждётся появления Его, самого Золотого Пистолета. Он быстро растолкует провинциальному студенту, что к чему, прижмёт его в тени под аркой – и парень станет их ним.

Она начала наводить тени, думая о Вильмоше. Он был, пожалуй, красив – чёрные волосы и глаза удачно гармонировали с белой кожей на овальном, чуть вытянутом лице. Высокий лоб, прямой, хотя и небольшой, чётко очерченный нос и маленький подбородок дополняли его портрет. Худощавый, среднего роста, он был даже чуть ниже её самой, когда она обувала туфли на каблуках. Умный, воспитанный и учтивый – он буквально во всём был полной противоположностью Жолтану.

Взяв тубик с помадой, Эржбет издала короткий смешок. Вильмош, конечно, может быть сколь угодно приятным, однако Жолтан быстро с ним управится. Но кто знает: возможно, она ещё встретится с ним вновь... на других основаниях. Впрочем, в это не верилось. Слишком уж далёким от того образа жизни, что вели Жолтан и его дружки, казался Вильмош. Для него же будет лучше, если он отделается несколькими синяками и не станет им прислуживать, хотя, судя по тому, какое значение этому вечеру придавал Жолтан и его покровители, дело обстоит гораздо серьёзнее. Что-то в этом Вильмоше свидетельствовало о тайне, которую он мог скрывать. А может, «папам» просто было не на ком продемонстрировать свою власть? Она поморщилась, вспоминая пожилых, обрюзгших мужчин, возбуждающихся уже только при виде девушек с телосложением, как у юношей, и едва не выругалась. Жолтан – просто урод! Когда-нибудь его найдут на дне Дуная или на мусорной свалке, с завязанными за спиной руками и с простреленной головой.

Она похолодела. А что тогда будет с ней? Ей уже двадцать два, и она до сих пор не вышла замуж. Кому нужна проститутка? Ведь если она кому-то нужна, приходит Жолтан и начинает выбивать из него деньги. Получался замкнутый круг. При мысли, что когда-то ей будет тридцать, и она не сможет зарабатывать столько, чтобы содержать себя и родителей, она почувствовала страх. Вздохнув, Эржбет встала и поправила бюстгальтер, оттягивавший кофту. Это

всего лишь работа, милый Вильмош, подумала она, преодолевая жалость к студенту. Одев свою любимую ярко-красную кожаную куртку, она побежала на свидание.

5

В баре «Боярин Мартон», несмотря на поздний вечер пятницы, было немногочисленно. Возможно, дело объяснялось тем, что Венгрия ещё только-только выходила из затяжного экономического кризиса, и жители неблагополучного Кишпешта, некогда бывшего отдельным городком в пригороде Будапешта, не могли позволить себе дорогие развлечения.

Бармен, крупный светлоглазый мужчина с пухлыми, как у женщины, руками, кивнул Эржбет, как старой знакомой, и налил молодой паре две кружки пива, потребовав тут же рассчитаться.

– Балаж сегодня строгий, – хихикнула Эржбет и захрустела чипсами. Она была стройной и высокой, почти 175 см ростом, компенсируя маленький размер груди умением показать красивые, длинные ноги. Тряхнув окрашенными и завитыми при помощи химии волосами, она взялась гипнотизировать Вильмоша взглядом своих серых глаз. Тот улыбнулся и размяк, начав рассказывать ей о себе. Оказалось, он – вполне заурядный провинциал, приехавший на учёбу в большой город, что, правда, не очень вязалось с его столичным акцентом.

– А что ты изучаешь в этом университете? – спросила она.

– Я – будущий археолог.

– Типа, в могилах ковыряешься? – рассмеялась Эржбет.

– В общем, да. Правда, раскопки, хотя и важная практическая часть работы – они ещё далеко не всё. Нужно уметь правильно оценить полученные находки. Это требует сложных исследований по датировке, включая аппаратный анализ... люминесцентный, радиоуглеродный...

Он замялся.

– Ну, я поняла, что ты ещё не очень в этом силён. А что-то интересное, кроме некрофилии, в этом есть?

– Ну, нужно ещё хорошо знать историю.

– Отлично! Расскажи мне какую-то. Скажем, о великих рыцарях прошлого или о храбрых гусарах.

Вильмош невольно посмотрел на её ноги, затянутые в нейлоновые чулки, и хмыкнул:

– Как знаешь. Но герои, известные нам из школьных учебников, были отнюдь не так благородны, как нас учили.

Он отпил из своей кружки немного пива и поставил её на грубую, исцарапанную столешницу.

– Гусар как род войск создал Матиаш Корвин, но, по мнению ряда авторитетных исследователей, он лишь заимствовал этот тип лёгкой конницы у валашского воеводы Влада Третьего, или Дракулы.

– Дракула изобрёл гусар? Не может быть!

– Может, – снисходительно ответил Вильмош. – Его гусары прославились своей отвагой и жестокостью. В 1462 году близ Тарговиште они нанесли поражение огромной армии Мехмеда Второго. Ночная атака, проведённая решительно и дерзко, застала турок врасплох. Сам султан едва спасся. Когда наутро турки пришли в себя и двинулись на Тарговиште, они нашли столицу Валахии обезлюдевшей. Но на дороге, которая вела вглубь владений Влада, они обнаружили трупы солдат своего двадцатитысячного корпуса, действовавшего отдельно от основной армии. Нанизанные на колья, их тела производили настолько подавляющее впечатление, что султан скомандовал отход.

– Ну, и что тут такого?

– Считалось, что остановить турок невозможно. Гусарам Влада это удалось. Многие из них были его рабами, цыганами, которых он ещё в раннем детстве купил или забрал у их

родителей и вырастил вместе с дикими цепными животными, приучив только к одному – к убийству.

Эржбет сжевала несколько чипсов и запила их пивом. Вспомнив, сколько в этом напитке содержится калорий, она осторожно отодвинула кружку в сторону.

– Вот он был вампир!

– Во многом легенды об упырях и волколаках, которые остались в Трансильвании с тех пор, основываются как раз на реальных фактах злодейств, которые творили под покровом ночи Влад и его гайдуки. – Вильмош говорил с уверенностью, так как неплохо изучил этот вопрос, целыми неделями просиживая в общественной библиотеке.

– Насчёт того, был ли он в действительности вампиром, дело обстоит гораздо сложнее: Влад предался злу и буквально купался в крови, терроризируя как врагов, так и друзей. И, думаю, в своих вакханалиях он и его приспешники отнюдь не брезговали каннибализмом – совсем как крестоносцы, отвоевавшие у арабов Иерусалим.

Эржбет посмотрела на него с интересом.

– То есть, они все озверели?

– Да, в них горел какой-то огонь, и они были готовы на всё, лишь бы достигнуть заветной цели. Строго говоря, сам Дракула был отнюдь не Антихристом, а, скорее, наоборот – религиозным фанатиком. Влад принадлежал к так называемому Ордену Золотого Дракона, необычной секте, существовавшей в Балканском регионе, возможно, с древнейших времён. В его эпоху эта секта, объединявшая ряд наиболее энергичных князей и вельмож, срослась с православной церковью и активно боролась с османами. Менее чем за сто лет до Тарговиштского сражения, член этой секты серб Милош Обилич ценой своей жизни убил султана Мурада Первого на Косовом поле.

Эржбет выгнула спину, заставив свою маленькую грудь выпирать как можно дальше.

– Тогда почему Дракула считается слугой Дьявола? Все фильмы...

– Чистая политика, Эржбет. Венгрия имела собственные интересы, и она ориентировалась на Запад, на католическую церковь. Конечно, её властители пользовались самыми грязными методами, чтобы подорвать авторитет православной церкви. Во время штурма Константинополя, например, турки пробили стены с помощью огромной пушки, отлитой венгром Урбаном. Когда Матиаш Корвин, король Венгрии, устроил всё так, что Дракула остался один-на-один со своими многочисленными врагами, которые линчевали его, он уже получил от Папы Римского огромную сумму денег – якобы на организацию крестового похода, который, конечно же, не состоялся. Впрочем, деньги эти были потрачены, как стороны и договаривались, на устранение православной церкви с Балкан – имя Дракулы, и без того всеми проклинаемое, было ещё и оболгано.

– Любопытно. А сам ты верующий?

Вильмош вздрогнул, словно она его чем-то напугала.

– Не-е-т... Нет, – решительно ответил он, – думая о чём-то своём. – У меня другая история, чем... у Дракулы.

– Я не об этом спрашивала! – рассмеялась девушка.

Эржбет вдруг подумалось, что он может быть как-то связан с сербами – ведь именно сербский террорист в своё время застрелил австрийского принца, что привело к началу Первой мировой войны[3]. Это бы объяснило интерес «пап» к какому-то студенту.

– Слушай, а этот Орден Золотого Дракона ещё существует?

Вильмош выдавил слабую улыбку.

– Хороший вопрос. Я и сам, в известной степени, разыскиваю его следы. Но здесь, в Будапеште, удалось обнаружить лишь некие намёки на существование подобной преемственности.

– А у вас, в Татабанье?

– Мы сейчас не в Татабанье. – Вильмош пожал плечами. – Но можно сказать, что в целом, раз Орден Золотого Дракона происходит от змеиных культов доисторических времён, то члены местных союзов и тайных сообществ, противодействующие злу и пользующиеся определённым уважением в обществе, включая и статус, ну, ты понимаешь...

Он сделал неприличный жест, имитирующий мужской половой орган, а Эржбет, в свою очередь картинно вскинула брови и отвернулась, демонстрируя оскорблённую невинность.

– ...то можно говорить, что они существуют и здесь. Конечно, они должны бы были носить дорогие украшения в виде массивных золотых цепей.

Эржбет хихикнула, представив себе, что скажет по этому поводу Золотой Пистолет. Ей стало понятно, что этот студент как-то связан с сербами, а может, даже и сам является сербом, который приехал в Будапешт по поддельным документам, чтобы завязать в местном преступном мире некие связи. В таком случае его ждёт тяжёлое разочарование. Дунай глубок, и умеет хранить тайны. Даже тайны загадочных похищений и убийств.

6

Жолтан Эркель подъехал к «Боярину Мартону», когда на улице было уже темно, и остановил свой чёрный «БМВ М51» так, чтобы Эржбет видела его из окна. Шестицилиндровый турбодизель с «перебитым» серийным номером затих, прорывав что-то напоследок, и Жолтан вылез наружу. Одетый в дорожную чёрную куртку и джинсы, он тяжело ступил на брусчатку, которой был вымошен тротуар. Отметив по сторонам движение своих людей, среди которых был и совсем ещё молодой Андраш, он, всем видом излучая уверенность в себе, двинулся к дверям бара. Никто, кто увидел бы его в этот момент, не посмел бы встать на пути Жолтана: в каждом движении его тела сквозила физическая сила, способная одолеть любого, кто ходит по земле.

Кивнув Балажу, он сразу же подошёл к столику, за которым сидели Эржбет и Вильмош. Не спрашивая разрешения, он тут же подсел на лавку к студенту, отодвинув его лёгким движением плеча.

Эржбет побледнела и натянуто улыбнулась.

– Это Жолтан, он – мой парень, я тебе говорила о нём. Жолтан, это – Вильмош.

Если бы Вильмошу в этот момент позволили говорить, он бы сказал, что Эржбет действительно как-то упоминала имя Жолтана, а где-то говорила о каком-то парне, но никогда не говорила о том, что в самый неожиданный момент может заявиться затянутый в кожаную куртку великан, от одного взгляда которого кровь стынет в жилах.

– С тобой я потом поговорю, – угрожающе процедил Жолтан. – А это кто? У вас что, любовь?

– Вильмош – археолог, он ищет тайное общество Золотого Дракона. Они – православные сербские террористы, – перепугано несла какую-то чушь Эржбет.

Жолтан перевёл взгляд на Вильмоша.

– Так ты террорист? Бомбист? – он хлопнул студента по плечу, едва не сбросив того на пол.

В бар вошло двое подручных Жолтана, тоже постриженные коротко, почти наголо, и одетые в такие же, как у него, кожаные куртки. Сев за соседний столик, они прикрыли их от остальных посетителей, ясно давая всем понять, что вмешиваться в это дело не стоит.

Неожиданно бармен воздел свои мясистые руки, воскликнув:

– Жолтан, только без драк! Никаких драк в этом заведении, ты понял? Я не хочу, чтобы сюда потом приезжала полиция!

– Что ты, Балаж! Мы просто говорим. Правда, парень?

Вильмош, парализованный страхом, не смог выдать ни слова в ответ.

– А даже если у нас и возникнут какие-то споры насчёт дамы, то мы, как настоящие мужчины, выйдем на улицу и обо всём там поговорим. Верно я говорю? Ты ведь мужчина? – Жолтан ободряюще улыбнулся студенту. Тот неуверенно кивнул в ответ.

Эржбет встала:

– Пожалуй, я пойду.

Жолтан схватил её за руку и с силой сжал, чуть не сломав кости.

– Жди меня в машине, дура – и не вздумай курить в салоне! – угрожающе процедил он, одновременно вложив ей в руку ключи. Эржбет, вздохнув, посмотрела Вильмошу в глаза, словно извиняясь, а потом пожала плечами, будто это он виноват, что у него нет собственного «БМВ», и ушла, цокая каблуками. У дверей она обернулась – и едва не упала, неудачно поставив ногу, настолько неузнаваемо изменился облик студента-археолога. Его глаза внезапно стали совершенно чёрными, даже белки потемнели. Тряхнув головой, она снова посмотрела ему в глаза, но тех и вовсе не было – только зияющая пустота. Всклипнув, она закричала, её душераздирающий вопль заставил всех обернуться. Андраш, уже зашедший внутрь и как раз бравший себе «кока-колу», от неожиданности даже выронил бутылку, разбившуюся на множество осколков.

– Эй, малолетка! Ты заплатишь за эту воду! – моментально отреагировал Балаж.

– Да заплачу, Балаж, не бойся. И ещё одну возьму, – сказал Андраш небрежно и сел за свободный столик, самостоятельно открыв вторую бутылку «коки» при помощи зажигалки. Балаж, ругая его последними словами, несколько раз проехался шваброй по пузырящемуся пятну, и начал сметать куски стекла.

Изумлённый Жолтан перевёл взгляд на сидящего рядом студента.

– Чем ты её так напугал, засранец?

Когда Вильмош повернулся, чтобы ответить, его голос был на удивление твёрд и спокоен:

– Я приехал в Будапешт с особой целью, Жолтан. – Эта фраза, демонстрировавшая полное владение ситуацией, заставила сидевших поблизости парней из команды Жолтана обернуться. Тот нетерпеливым жестом приказал им сидеть спокойно.

– Я ищу особого человека – человека, умеющего повелевать... Человека, чьё оружие сделано не из железа, а из золота...

Жолтан, опешив, почувствовал, как у него отвисает челюсть. Он немедленно ощупал «глок», заткнутый за пояс, чтобы убедиться, что не потерял его.

– Такой человек необходим мне... для осуществления одного ритуала. У него, к тому же, то есть у тебя, Жолтан – студент неожиданно повысил голос, привлекая к себе внимание присутствующих – есть качество, которое можно найти только в Будапеште.

– И что это за качество? – спросил Жолтан, едва скрывая раздражение. Ему уже всё стало ясно: Эржбет что-то наплела этому студенту, и он прихватил с собой «перо» или газовый баллончик. То, что у него нет пистолета, было известно наверняка: тётя Клара, неоднократно обыскивавшая его вещи, ничего подобного не обнаружила.

– Это глупость, свойственная последнему в мире идиоту, который возомнил себя умнее всех.

Посетители, чьё внимание и так было приковано к этому разговору, отвернулись. Парень собственноручно подписал себе смертный приговор, и ему было уже ничем не помочь. Андраш беззвучно рассмеялся и вжал голову в плечи, как обычно делал в школе, насыпав учителю мел на спину или ещё как-то напакостив. Удержаться от смеха было трудно, и он прикрыл рот ладонями.

Жолтан, покачав головой, тоже улыбнулся – и ударил студента так, что тот упал на пол. Когда Вильмош встал, его взгляд был затуманен, а из носа текла кровь.

– Никаких драк здесь! – истерично завизжал Балаж. – Вон отсюда!

– Да заткнись, – Жолтан понимал, что бармен просто создаёт себе алиби, одновременно выставляя студента на улицу, где ему никто не поможет, но терпеть такой тон было превыше всяких сил. Вильмош, «разработку» которого навязали всемогущие люди «сверху», не оставил ему никакого выбора. Ещё не будучи уверен относительно своих намерений, стоит ли ему убить обезумевшего студента или только свернуть челюсть, Жолтан, Король Кишпешта, вышел в ночь.

7

Андраш сделал вид, что увидел нечто интересное в окне, которое выходило на сторону, противоположную той, куда Жолтан заталкивал студента, и встал. Рассчитавшись с барменом, в глазах которого отчётливо читался страх перед бандой Эркеля, Андраш вышел на улицу. Пройдя несколько шагов, он, будучи уверен, что из «Боярина Мартона» его уже не видят, отошёл в неосвещаемый угол площади и двинулся в обратном направлении, следя за тем, чтобы оставаться вне пределов видимости. Ощущая азарт охотника, он крался во тьме, далеко обходя редких прохожих, и вскоре уже отчётливо видел чёрный «бимер» Жолтана, заливаемый ярким светом ближайшего фонаря. Где-то в метрах двадцати за ним была и арка, в которой студент из Татабани сейчас жалобно скулил, умоляя о пощаде.

Андраш осмотрелся. Два «бойца», вышедшие из бара вслед за ним, увидев, что в «бимере» сидит Эржбет, демонстративно распрощались и разошлись в разные стороны. Андраш, поняв, что он может оказаться единственным, кто будет под рукой у Жолтана, осторожно двинулся вперёд. От понимания собственной важности он почувствовал себя более взрослым. Чернота под аркой притягивала его, как магнит.

Внезапно ночную тишину разорвал жуткий вопль, пронизанный болью, который не мог вырваться из глотки тщедушного студента. Кричал явно Жолтан Эркель по прозвищу Золотой Пистолет. Андраш словно окаменел; у него противно засосало под ложечкой.

Дверь «бимера» распахнулась, и оттуда выскочила Эржбет с обезумевшими от страха глазами. Не разбирая дороги, она пробежала мимо Андраша, даже не заметив его. Впрочем, пробежав менее десяти метров, она споткнулась и упала. Тут же вскочив, не обращая внимания на разбитые в кровь колени и порвавшиеся чулки, она сделала несколько шагов – и снова упала, ударившись лицом об асфальт. Взыв от страха и бессилия, она сорвала с себя туфли и побежала прочь, исчезнув в темноте.

Андраш почувствовал, что ему нужно любой ценой увидеть происшедшее; снедаемый одновременно и страхом, и любопытством, он медленно обогнул «бимер» со стороны пассажира и двинулся вперёд. Где-то впереди виднелись силуэты, которые могли быть только теми, кого он искал. Приблизившись, Андраш увидел чудовищную картину, способную вселить страх в сердце даже самых храбрых из мужчин, когда-либо живших на земле. Над телом Жолтана, простёртым на асфальте, склонилось существо, некогда бывшее студентом Вильмошем. Рука его жертвы, безжизненно откинута в сторону, отчётливо виднелась в лунном свете, то и дело вздрагивая. Существо – а его трудно было назвать человеком, ибо на человека оно походило не более, чем оживший ночной кошмар – обладало длинными, острыми, как бритва, когтями, которыми оно, видимо и убило Жолтана, едва не разорвав того пополам. Лицо, превратившееся в оскаленную пасть, усеянную огромными клыками, было уродливым, скорее звериным, вытянутым в длину, как морда у хищников. Шапка, съехавшая с головы, обнажила уши, которые увеличились в размерах и приобрели остроконечную форму, напоминая собачьи. Правда, в отличие от собачьих, они не были покрыты шерстью, от чего выглядели ещё более отталкивающе, явственно выделяясь на фоне чёрных волос Вильмоша, теперь превратившихся в жёсткую щетину, подобную той, что покрывает тело кабана. Послышался отвратительный хруст черепа, раздавленного мощными челюстями, за которым последовали омерзительные чавкающие звуки.

И тут Андраш, уже готовый побежать за подмогой, увидел нечто, бывшее предметом его вождения и тайной зависти на протяжении последних полутора лет. Эта вещь, принадлежавшая Жолтану, символ его высокого положения в ночном мире Будапешта, интересовала Андраша гораздо больше, чем его «бимер» или девки.

Семнадцатизарядный «глок», богато украшенный золотом, тускло поблёскивающий в лунном свете, лежал буквально в пяти метрах от Андраша. Его владелец, чьё бездыханное тело сейчас обгладывал «Вильмош», видимо, даже не успел воспользоваться пистолетом, когда на него напала лютая тварь. Оружие, проехав по асфальту, так и осталось лежать, дожидаясь, пока его поднимут. Андраш, воспрянув духом при виде золота, уже почти физически ощущал рукоятку тяжёлого пистолета в своей ладони и палец, лежащий на неожиданно тугом спусковом крючке. Если выстрелить в этого упыря, кем бы он ни был – оборотнем или вурдалаком, тот подохнет – с первого или с десятого выстрела. Даже если его потом арестуют, любой суд вынесет оправдательный или не слишком суровый приговор.

Решившись, Андраш начал осторожно, стараясь ступать как можно тише, приближаться к заветному «глоку». Посмотрев на тварь, грызшую тело его ближайшего друга, он увидел, что та пожирает головной мозг Жолтана. Во время короткой паузы между чавканьем слышались слова, странно искажённые, но всё ещё вполне членораздельные: «Немецкая оружейная сталь... золото... коварный замысел глупца... заклинание... сработает».

Андраш понял, что тварь, ослеплённая злобой, вероятнее всего, безумна, и сделал ещё один маленький шаг в сторону пистолета. Казалось, ещё чуть-чуть – и он сможет спокойно, не поднимая шума, взять пистолет. Потом надо будет действовать как можно быстрее: стремительно передёрнуть затвор, снять с предохранителя – и открыть огонь на поражение. Девятимиллиметровые пули наделают в этой мрази такие дырки, что ей не поможет никакой ветеринар.

В этот момент существо умолкло. Андраш, почувствовав, что его колени ослабли, едва устоял на ногах – и медленно поднял взгляд, уже зная, что увидит.

Глаза демона, словно вылезшего из преисподней, уставились прямо на него, полыхая зелёным огнём, и, казалось, высасывали последние жизненные соки. Андраш последним усилием воли заставил себя обернуться и бежать как можно быстрее. Бежать, не оглядываясь. Страх, который он ощущал в эти минуты, пока бежал по улицам ночного Кишпешта, был настолько сильным, что он смог остановиться только когда в его правом боку начались острые боли, а лёгкие, с каждым вдохом пронизываемые тысячами ледяных кинжалов, были готовы разорваться. Только тогда Андраш заставил себя оглянуться. Его никто не преследовал.

«Глок» так и остался лежать на мостовой.

Когда полиция наутро обнаружила тело Жолтана Эркеля, рядом лежал заряженный пистолет, у которого по непонятной причине отсутствовал затвор. Знающие люди в департаменте практически сразу же заподозрили убийство с целью ограбления, так как Эркель, по слухам, пользовался пистолетом с золотой отделкой. Ещё через два дня поступило заявление от Клары Антал об исчезновении квартировавшего у неё студента Вильмоша Ковача. Проверка паспортных данных выявила факт кражи документов у настоящего Вильмоша Ковача, который никогда не учился в университете, а паспорт потерял почти год назад во время посещения матча национальной сборной по футболу, проходившего в Будапеште. Отпечатки пальцев, обнаруженные на вещах пропавшего «студента», соответствовали отпечаткам, обнаруженным на теле убитого и на его пистолете. Розыскные мероприятия не дали результата; также остался без ответа вопрос, как именно было осуществлено убийство. Наиболее правдоподобная версия, выдвинутая криминалистами, предполагавшая факт применения убийцей некоего ломика с остро отточенным концом – или даже самодельной ромфеи[4], – противоречила результатам вскрытия, указывавшим на то, что покойный был исполосован когтями некоего дикого животного, медведя или льва. Череп был явно раскушен клыками крупного хищника; правда, сле-

ланный по результатам экспертизы гипсовый слепок не соответствовал ни одному из видов, известных современной науке.

8

Андраш Каллош в одиночестве сидел на кухне, рассматривая этикетку на бутылке крепкой сорокаградусной палинки, утверждающую, что та прошла двойную дистилляцию. Судя по невысокой стоимости, это было ложью, но вполне соответствовало его скромным финансовым возможностям. Распечатав блок контрабандного «L&M», которым он разжился у одного русина, Андраш закурил. От того, что он курит сигареты, которые остальным обходятся по полтысячи форинтов за пачку, ему стало легче. Даже ранняя седина, прорезавшая его волосы в двадцать пять лет, и к которой он до сих пор не мог привыкнуть, казалась не такой неуместной, как обычно. Всё-таки со стороны это выглядело, наверное, странным: в таком возрасте быть наполовину седым. Он посмотрел на оконное стекло, чтобы увидеть там своё отражение. Оно действительно там было – отражение двадцатисемилетнего мадьяра[5], чьи тёмные, коротко остриженные волосы то тут, то там чередовались с участками белых и серых. Годам к тридцати он, наверное, станет совершенно седым.

Осознав, что уже почти стемнело, Андраш подошёл к окну и задёрнул шторы; пальцы его пошли мелкой дрожью, как всегда, когда он вспоминал о трагической смерти Жолтана. Он не верил в версию полиции, утверждавшей, что Жолтана загрызла крупная взбесившаяся собака, вроде дога или мастиффа, а пистолет подобрал какой-то подонок, живший под чужим именем; он не верил и в то, что пистолет подобрали сами полицейские. Андраш не верил в это, потому что сам был там и отлично видел, как всё произошло. И он так никому и не рассказал о том, что был тогда на площади Кароя Коша, хотя все кругом об этом знали. Эржбет, так и не оправившаяся от потрясения, пережитого в тот далёкий вечер, «села на иглу» и через пару лет умерла от передозировки. Андраш, который с тех пор стал заикаться, вскоре обнаружил, что панически боится темноты и уже не может выйти на улицу вечером – ноги сами несут его обратно.

Он решил выпить, чтобы унять дрожь в руках. Зажав дымящуюся сигарету в зубах, он отвернул крышку и налил себе полную рюмку, которую тут же нетерпеливо опрокинул. От обжигающей горло палинки у него на глазах выступили слёзы. Андраш сделал затяжку и сел за стол. Каждый раз, когда он вспоминал о Жолтане или когда наступала темнота, перед мысленным взором вновь возникало видение двух глаз, пылающих фосфоресцентным огнём. Подобно ацетиленовым горелкам, они вспыхивали каждый раз, когда Андрашу случалось оказаться в темноте или в сумерках.

За минувшие с тех пор долгие годы ни одного вечера не прошло без того, чтобы он не вспомнил историю, навсегда изменившую его жизнь. Золотой пистолет был так близко...

На глаза вновь навернулись слёзы, и Андраш налил себе ещё одну рюмку. Уже почти плача, он выпил содержимое одним глотком. Вздвогнув всем телом, он почувствовал себя лучше и затянулся. Ему захотелось выпить ещё.

Схватив бутылку, он вдруг, почти неожиданно для самого себя, начал жадно пить из горла. Только когда ему полегчало, Андраш успокоился. Он ощутил, что стало гораздо теплее, а настроение начало стремительно улучшаться. Глядя на расплывающуюся надпись на этикетке, он поднёс бутылку ближе, чтобы прочесть её, и понял, что уже пьян.

Тут Андрашу вспомнилась фраза, которую он сам частенько повторял, и которая вдруг повергла его в отчаяние, заставив вновь увидеть пылающие бледно-зелёным огнём глаза. Они принадлежали существу, склонившемуся над телом Жолтана.

– Т-т-т-только в Бу-бу-бу-ддапеште!..

Сказав так, он зарыдал.

Воскрешение Британии

1

Сильный порыв ветра, от которого не могла защитить тонкая куртка и одетый под неё свитер, заставил человека согнуться ещё больше, чтобы хоть как-то прикрыть лёгкие. И без того сгорбленный под тяжёлым содержимым своего рюкзака, он тут же поскользнулся на размякшей после дождя немощёной дороге и едва не упал. Осторожно продвигаясь вперёд маленькими шагами и то и дело спотыкаясь, он вскоре преодолел расстояние, отделявшее его от вершины холма. Там он немного передохнул и продолжил свой путь, скудно освещаемый луной, которую вновь затянуло облаками. Несмотря на это, человек двигался достаточно уверенно, так как отлично видел в темноте. Впрочем, ему не было нужды уповать на свои, весьма нестабильные, сверхъестественные способности для того, чтобы сориентироваться на местности: он был здесь накануне днём и всё разведal. Дорога к кладбищу и к могиле, в которой был захоронен некрещённый ребёнок, настолько крепко усвоилась его памятью, что он нашёл бы её и с завязанными глазами.

Человек был молод, темноволос и худощав; его бледное красивое лицо, не отягощённое грузом печали, сомнений или страха перед законом, гармонировало с остальным телом, движения которого свидетельствовали о ловкости, присущей лишь молодым.

Вход на кладбище преграждала калитка с висячим замком. Перебросив рюкзак через ограду, ночной посетитель ухватился за прутья, чтобы перелезть самому. Несмотря на небольшую высоту, едва превышавшую его рост, заострённые колья доставили ему немало хлопот, и в конце концов он зацепился курткой, мысленно ругая себя за то, что не догадался её снять. Наконец, он счастливо выпутался и, стараясь братья там, где облупившаяся краска открывала проржавевшее железо, перемахнул на ту сторону. Спрыгнув вниз, он присел, амортизируя удар. Он находился на освящённой земле кладбища.

Подняв рюкзак, в котором глухо звякнуло что-то тяжёлое и металлическое, человек прошёл к нужной могиле. В ней был похоронен двенадцатилетний мальчик, погибший при невыясненных обстоятельствах; поговаривали, будто его, долгое время бывшего мишенью для издевательств, убили соседские мальчишки, так как его родители в 1989-м выступили на стороне Чаушеску, а кто-то из его родственников даже состоял в компартии. Мальчика, которого нашли со сломанной шеей у подножия одинокой сливы, росшей за пределами села, похоронили в полном молчании, без священника, в присутствии ближайших родственников. Человек остановился у могильной плиты с выгравированной фотографией ребёнка, на чьём лице застыла натянутая улыбка, и прочёл надпись: «Георги Думитреску. 1982 – 1994».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.